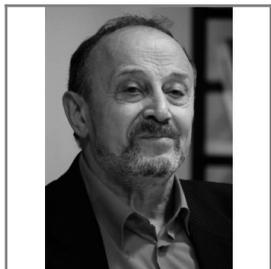

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЗАЦИИ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ*

Пружинин Борис Исаевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; Приглашенный исследователь. Академия Канта, Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Российская Федерация, 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14; e-mail: prubor@mail.ru

Существующие варианты классификации наук на разных основаниях дифференцируют и соотносят типы познавательных практик. При этом внимание эпистемологов, как правило, концентрируется на инструментальных логико-методологических функциях предлагаемых классификаций, ориентирующих ученых в целостном когнитивном пространстве рационального познания (по предмету, по эпистемологическим предпочтениям, по методам и пр.). Что же касается социокультурных измерений научно-познавательной деятельности, то (коль скоро их вообще учитывают), они, по преимуществу, лишь внешним образом соотносятся с типологическими особенностями исследовательских практик. Между тем наука в целом претерпевает сегодня существенные изменения, затрагивающие, помимо всего прочего, статус и методологические функции ее социокультурных параметров, что существенно меняет конфигурацию когнитивного пространства научно-познавательной деятельности. В статье предпринимается попытка продемонстрировать особенности проблематизации философско-методологических оснований современной науки. При обсуждении этих вопросов принципиально важно учитывать тематику, связанную с тем, каким образом ученый осознает собственный методологический инструментарий и социокультурный статус научно-познавательной деятельности. Эта проблематика, по мнению автора, выдвигается сегодня в центр философско-методологической рефлексии над наукой, заставляя нас по-новому посмотреть на смысл (целевые основания) науки как целостного когнитивного феномена и, соответственно, на типологические особенности ее познавательных практик.

Ключевые слова: культурно-историческая эпистемология, философия науки, типология наук, дихотомия гуманитарных и естественных наук, научная рациональность, прикладные исследования, нормы научности, фундаментальные исследования, воспроизводимость знания

* Данное исследование было поддержано из средств проекта «Развитие публичационной активности БФУ им. И. Канта». This research was supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

THE PROBLEM OF TYPOLOGY OF SCIENTIFIC COGNITION IN THE CONTEXT OF CULTURAL-HISTORICAL EPISTEMOLOGY

Boris I. Pruzhinin –
DSc in Philosophy,
Chief Research Fellow,
Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.
12/1 Goncharnaya St.,
Moscow, 109240,
Russian Federation;
Visiting Researcher.
Academia Kantiana,
Immanuel Kant
Baltic Federal University.
14 A. Nevsky St., Kaliningrad
236016, Russian Federation;
e-mail: prubor@mail.ru

The existing variants of the classification of sciences differentiate and correlate the types of cognitive practices on various grounds. At the same time, the attention of epistemologists is usually concentrated on the instrumental logical and methodological functions of the proposed classifications, which guide scientists in the holistic cognitive space of rational cognition (by subject, by epistemological preferences, by methods, etc.). As for the socio-cultural dimensions of scientific and cognitive activity, they (as long as they are taken into account) mostly correlate with the typological features of research practices only slightly. Meanwhile, science as a whole is undergoing significant changes today, affecting, among other things, the status and methodological functions of its socio-cultural parameters, which significantly change the configuration of the cognitive space of scientific and cognitive activity. The article attempts to demonstrate the features of the problematization of contemporary science's philosophical and methodological foundations. When discussing these issues, it is fundamentally important to consider how a scientist realizes his methodological tools and the socio-cultural status of scientific and cognitive activity. According to the author, these problematics are stepping into the center of today's philosophical and methodological reflection on science, forcing us to take a fresh look at the meaning (target bases) of science as a holistic cognitive phenomenon, accordingly, the typological features of its cognitive practices.

Keywords: cultural-historical epistemology, philosophy of science, typology of sciences, dichotomy between the humanities and natural sciences, scientific rationality, applied research, norms of scientific character, fundamental research, reproducibility of knowledge

В ходе обсуждения вышедшей несколько лет назад книги переводов Франца Brentano [Брентано 2018] возникла дискуссия, имеющая прямое отношение к теме этой статьи. Известный специалист в области культурологии и философии В.А. Куренной высказал мнение, что «в целом позицию Brentano можно определить как натуралистический позитивизм, это следует из его фундаментального четвертого габилитационного тезиса: истинный метод философии есть метод естественных наук. Brentano стремится сциентизировать философию, взять за образец метод естественных наук. Отказ Brentano от притязаний философии на поспешное и быстрое проникновение в сущность вещей, это, конечно, прямая вариация позитивизма О. Конта, который считал, что мы можем установить лишь то, “как” явления соотносятся друг с другом, но не то, “что” они собой

представляют» [Белоусов, Куренной, Молчанов, Щедрина и др., 2020, с. 11]. Однако в ходе дискуссии в ответ на эту философскую квалификацию идей Ф. Brentano Т.Г. Щедрина заметила, что «тезис об “общем” (целостном, основанном на понимании) научном методе и его истолковании в текстах Brentano было бы интересно сопоставить с методологическим опытом некоторых гуманитарных областей знания. В этом направлении, к примеру, шел Б.И. Ярхо, переносивший методы биологии в литературоведение, а за ним – М.Л. Гаспаров – в стиховедение. И тот и другой полагали, что их наука – фундаментальна, а потому методы естествознания оказывались вполне эффективными применительно к гуманитарному познанию» [Там же, с. 27].

Важной предпосылкой столкновения приведенных точек зрения является, очевидно, отношение дискутантов к выдвинутой в свое время В. Дильтеем и неокантианцами дихотомии естественных и гуманитарных наук. Один из участников дискуссии (В.А. Куренной) фактически принимает это деление, более или менее явно присутствующее во многих современных философских концепциях науки, поскольку убежден, что естественные науки ограничиваются задачей «установить лишь то, “как” явления данного нам в опыте предметного мира соотносятся друг с другом». Тогда как гуманитарные науки стремятся к проникновению «в сущность» познаваемого, поскольку ценностно-смысловая, так сказать, «предметность» духовного мира целеструктурирована, что предполагает прежде всего его понимание. Впрочем, самые различные аспекты этой дихотомии так подробно концептуально проработаны в течение почти двух последних столетий, что на них можно не останавливаться. В данном случае интересен другой аспект этой дискуссии (точка зрения Т.Г. Щедриной), практически не обсуждающийся в философско-методологической литературе: каким образом принятая в философии науки традиционная дихотомия гуманитарных и естественных наук соотносится с реальностью современных научных практик.

Ко времени принятия дильтеевской дихотомии все большую популярность в социальном оправдании усилий, направленных на познание закономерностей данного нам в опыте внешнего мира, приобретали апелляции к тем возможностям, которые естествознание открывало для удовлетворения различных, вполне материальных потребностей Человека. При этом духовный мир Человека разумного, конечно же, не игнорировался, но как бы надстраивался над его материальными потребностями. Интеллектуальная элита того времени могла, конечно, акцентировать культурную значимость естествознания как фундамента духовного освоения мира, но именно социальная трактовка науки как раз и обернулась уже к середине прошлого столетия идеей естественной науки как двигателя общественного прогресса (см.: [Никифоров, 2021; Столярова, 2021; Аргмакова, 2021;

Касавин, 2021; Антоновский, Бараш, 2021]). Тем более что на фоне мощных процессов индустриализации сама наука все чаще выступала как ведущая социально-экономическая сила общества, прямо влияющая на ее духовную составляющую. Что же касается собственно «гуманитарного познания», то и оно в этом контексте выглядело хотя и как малоэффективная в практическом плане, но тем не менее полезная критическая разработка ценностных ориентиров для духовного выживания в индустриально организованном обществе технического прогресса. В социально-гуманитарном знании не отрицалось присутствие некоторых общенаучных элементов, но дихотомия естественных наук и наук гуманитарного типа тем самым еще более жестко закреплялась. Сегодня, напротив, мы отчетливо ощущаем недостаточность и даже искусственность такой дихотомии, причем ощущаем это и внутри познавательного пространства науки, и в ее социокультурном измерении.

Обращение к традиционной дихотомической типологии научного познания сегодня как бы возвращает нас к дискуссиям 60-х гг. прошлого века по поводу противостояния «двух культур», к спору «физиков и лириков», сциентистов и антисциентистов и т.д. Однако те связанные с именем Сноу [Snow, 1956] дискуссии (см.: [Богданов, 2011; Волошинов, Игнатова, 2015]) как раз и были стимулированы, если угодно, претензией естественной науки на роль ведущей интеллектуальной и технологической силы социально-экономического прогресса, а тем самым и фактора как бы вписанного в очевидные ценностные ориентиры технологического развития общества. Ныне же гуманитарные рассуждения о роли естествознания в развитии общества приобрели скорее негативно-проблемный характер. Речь теперь фактически идет о том, куда завели человечество технологические успехи, в основании которых лежат естественнонаучные достижения, и может ли естествознание вывести нас из этих экологических и социальных тупиков своими силами. И когда к социально-гуманитарным дискуссиям прошлого столетия обращаются сегодня с конструктивными целями, их обсуждение, как правило, связано с нынешней экологической ситуацией, сплетающей естественнонаучные и социально-гуманитарные сюжеты в единый когнитивный узел [Лисеев, 2020; Тищенко, 2020]. А такой вариант постановки проблемы соотношения естественных и гуманитарных наук помимо всего прочего уводит тематику этих дискуссий в область задач ценностной ориентации самой науки, что, соответственно, акцентирует методологическую роль гуманитарных исследований, проникающих в традиционные методологические установки естествознания. Так что сегодня достаточно отчетливо обнаруживаются принципиальные изменения и в сфере предметно-методологической конфигурации современной науки, и в ее типологической структуре как целостного когнитивного феномена.

Ныне мы можем просто констатировать: вся современная наука погружена в социально-экономическую реальность. Более того, она сама превратилась в социальную (и отчасти экономическую) институционализированную систему. Но теперь она уже отнюдь не предстает как самодостаточный интеллектуальный феномен, своими эпистемологическими усилиями определяющая направления общественного прогресса. И гуманитарные, и естественные науки сегодня в значительной мере включены в решение вполне конкретных практических задач, которые им ставит социально-экономическая реальность. Причем в решение этих задач включены они в такой степени, что даже собственно познавательные процессы внутри научных исследований в весьма значительной мере регулируются социальными механизмами (в частности, посредством научных грантов и госзаданий). Современная наука – чрезвычайно дорогостоящее предприятие, и общество требует от научных институций отдачи, превращая коллективную научно-познавательную деятельность в инструмент решения технических задач, плотно включенный в повседневные цели общества. При этом в качестве такого инструмента все в большей степени выступают и гуманитарные науки. Хотя дихотомическое различие естествознания и гуманитарного знания, конечно же, сохраняется и в методологическом плане, и в метафизическом, оно тем не менее уже потеряло статус типологической характеристики, четко очерчивающей поле познания современной науки. На передний план выходит иная структурирующая типология, по иному отправляющая нас к осмыслению науки как целостного социокультурного и эпистемологического феномена. И соответственно, иным образом предстает нормативно-методологический инструментарий науки, меняется когнитивная роль ее стандартов и идеалов.

Сегодня, по мнению автора, эту типологизирующую функцию вполне эффективно выполняет дихотомия прикладное – фундаментальное. Впрочем, истоки сдвигов, порождающих в современной науке организационную и методологическую потребность в новом типологическом структурировании, можно обнаружить в научных практиках еще середины позапрошлого столетия. А к середине XX в. стало очевидным, что в повседневной, так сказать, практике науки эти сдвиги реализовались уже в достаточно четком эпистемологическом разделении под цели фундаментального исследования и под решение прикладных задач. Замечу, что крупные ученые-экспериментаторы учитывали это обстоятельство и в эпистемологическом, и в организационном планах еще в первой трети прошлого века [Капица, 1989].

Ученые, работающие сегодня в рамках «фундаментальных» и «прикладных» исследовательских программ, достаточно отчетливо осознают фактическое различие этих типов познавательной практики, причем как в области естествознания, так и в сфере гуманитарных

наук. Целью прикладных исследований (*applied science*) является знание, позволяющее эффективно решать частные прикладные задачи, отчего такого рода исследования носят, как правило, локальный характер. И даже в том случае, когда они расширяются для повышения прикладной эффективности или переносятся на решение иных задач, они остаются фрагментарным. В прикладных исследованиях получают сведения, необходимые для решения конкретных экономико-прагматических проблем, проблем технологических (так ориентирована технаука – *technoscience, technology studies*). Полученное таким путем знание не трактуется в рамках прикладных исследований в качестве основания для дальнейшего проникновения в еще не познанные области действительности, но фиксируется прежде всего как инструмент решения локальных практически задач. Зачастую оно предстает в формах, не предполагающих его дальнейшее прямое использование для собственно расширения сферы знания (они могут существовать, скажем, в форме инструкции или технологического рецепта). «Кроме того, в планировании и экспертной оценке полученных в прикладной науке результатов резко возрастает роль явного или неявного заказчика, не имеющего прямого отношения к научно-познавательной деятельности; а полученное знание, как правило, оказывается собственностью заказчика, который чаще всего вообще изымает его из свободного научного оборота» [Пружинин, 2009, с. 190–191]. Помимо всего прочего, это означает, что прикладные исследования всегда являются социально-ориентированными – но отнюдь не культурной установкой на обогащение нашего знания о мире как самодовлеющую ценность.

Конечно, так или иначе понимаемая практическая эффективность добываемого знания всегда была важнейшей составляющей научно-познавательной деятельности. Но с середины прошлого столетия удельный вес прикладных исследований в науке стал нарастать настолько интенсивно, что они начали обособливаться, причем и организационно, и по эпистемологическим параметрам. Соответственно, изменения коснулись и научных направлений, традиционно ориентированных на собственно познавательные цели. В рамках этих направлений стали отчетливо проявляться черты, отличающие их от прикладных исследований и акцентирующие развитие науки как самостоятельного культурно-исторического феномена [Pruzhinin, Shchedrina, 2021].

Первоначально характеристика того или иного исследования как фундаментального (*fundamental science*) означала, что они в этой области ориентированы на поиск закономерностей, в конечном счете соотносимых с законами, определяющими всю структуру познаваемого бытия, и, соответственно, задающими структуру всего массива знания. При этом в качестве фундамента, выполняющего эпистемологическую роль основания всего массива научного знания,

рассматривались прежде всего законы физики. Но уже к середине XX в. любые научные исследования, от физики до лингвистики, в рамках которых наличное знание использовалось прежде всего для производства нового знания, стали противопоставляться прикладным исследованиям в качестве «чистой науки» (pure science). При этом явно выраженная в таком противопоставлении методологическая ориентация на всесторонний рост знания о мире внешне сочеталась с традиционной «редукционистской» установкой на достаточно жесткую внутреннюю иерархию знания («чистая наука» требовала в конечном счете сведения (соотнесения) всей совокупности попавших в ее поле зрения феноменов к основополагающим законам и объектам). Так достаточно противоречиво фиксировалась целостность науки. И в этом «иерархическом» контексте структурной организации научного знания еще сохранялась типологическая дихотомия гуманитарного и естественного (в сознании ученых естествознание оказывалось фундаментальным, а социально-гуманитарное познание – прикладным). Но уже тогда основание единства различных типов научного познания становилось проблемой – во всяком случае, философско-методологической [Bartly, 1968].

Позднее, к последней трети XX столетия, на трактовку фундаментальности научных исследований наложилось еще одно, весьма существенное для реальных научных практик, обстоятельство. Стало понятно, что в складывающихся социально-экономических условиях наука (как культурно-исторический феномен в своей «чистоте») может сохранить себя лишь в качестве самовозрастающего, саморазвертывающегося основания (и в этом смысле фундамента) прикладных исследований (см.: [Пружинин, 2008]). Эта очевидно противоречивая ситуация существенно повлияла на типологическую конфигурацию научно-познавательной деятельности. С одной стороны, иерархическая классификация науки в целом теряет (в контексте такого рода социально-эпистемологической ориентации) статус определяющего методологического ориентира фундаментальности познания, ибо эффективное развертывание научных исследований как фундамента прикладных (всегда по сути локальных) хотя и не исключает требования редукции к основаниям содержательной иерархии массива научного знания в целом, но тем не менее придает этому требованию статус, скорее, общего эпистемологического идеала. Так что методологически значимой типологической характеристикой фундаментальности познания фактически оказывается в этой ситуации целенаправленная ориентация исследований на преемственное обогащение новым знанием ее конкретных областей и направлений. Соответственно, типологическая дихотомия естественных и гуманитарных наук теряет жесткий нормативно-методологический статус при оценке полученного знания. Ныне на фундаментальность начинают успешно претендовать самые различные области наук, каждая

из которых ориентирована на преемственный рост своей сферы и лишь через него соотносит полученные достижения с иерархически структурированным массивом всего наличного знания. Скажем, ориентированное на исключительно фармакологический результат исследование биомолекулярной тематики движимо своими концептуальными приоритетами, хотя, конечно же, соотносится с предпосылками фундаментального (физического, химического, биологического) знания о мире.

Но, с другой стороны, в контексте реализации фундаментальными исследованиями своих когнитивных функций сложились особые методологические и организационные характеристики, поддерживающие их стремление к самостоятельному, не заданному обслуживанием прикладных исследований пути. В философско-методологическом сознании ученых, ориентированных на фундаментальное исследование, акцентируются культурно-исторические установки, ориентирующие методологические параметры познания прежде всего на дальнейшее самостоятельное (т.е. задаваемое «внутренними» когнитивными возможностями) расширение сферы исследований. Цель такого рода научной работы – выявление предметных областей, содержательно не определяемых даже широко трактуемыми прикладными запросами и наличным знанием вообще. При этом собственные исследовательские интересы фундаментальных научных направлений выдвигают на передний план методологии особую совокупность задач: нормативные параметры познания должны не только обеспечивать научную корректность полученных результатов, но и способствовать выходу к новой, непосредственно не заданной наличным знанием реальности. Очевидно, поиск решения такого рода задач предполагает весьма радикальное переосмысление когнитивных функций стандартов научности.

Поясню сказанное выше. Описывая особенности экспериментальной работы, связанной с обнаружением бозона Хиггса (работы, подчеркну, в которой принимали участие тысячи специалистов из самых различных областей науки), В.С. Пронских отмечает одну характерную, но часто упускаемую в методологических рассуждениях на этот счет деталь. Существование бозона Хиггса в Стандартной модели было теоретически предсказано в статье Питера Хиггса в 1964 г., что достаточно четко определило контуры его поиска задолго до его экспериментального обнаружения. Для того чтобы зафиксировать бозон на Большом адронном коллайдере, использовались электронные устройства («триггеры»), которые, однако, фиксировали лишь данные результатов столкновения протонов, соответствующие «меню триггера». В свою очередь, это «меню» задавалось концептуальной конструкцией, которая и определяла контуры эксперимента [см.: Пронских, 2020, с. 86]. Очевиден замкнутый «круг», очерчивающий контуры рассматриваемой сферы реальности наличным знанием. И такой «круг» до недавнего времени вполне устраивал

методологические трактовки любого экспериментального исследования со времен Галилея.

В отечественной философии науки на эту характерную черту методологического самосознания традиционных научных исследований обращал внимание М.А. Розов. Он отмечал, что ученые, выделяя в ходе экспериментов сферу предметной реальности, с которой соотносится теоретически структурированное знание (в терминологии Розова «референт» – это предметная сфера исследования, а «репрезентатор» – это то, что можно сообщить о референте как предмете исследования), достаточно четко различают то, что они фиксируют в теории как ее имманентный предмет, и то, что в этой предметности для них, так сказать, не важно. Причем особую роль в этом различении играют социальные механизмы (которые, по Розову, функционируют как «социальные эстафеты»). В содержательном плане, поясняет он, теория, так сказать, контролирует – является ли, скажем, «точка» в ее концептуальных рамках «точкой без массы» или «точка» – это планета (см. об этом подробнее: [Розов, 1995, с. 120]). Таким образом, М.А. Розов фактически указывает на вполне осознаваемую ученым, так сказать, целенаправленность теоретических конструкций, положенных в основание проводимого исследования. Соответственно, в ходе традиционно понятых целей эксперимента исследователь стремится так преобразовать реальность, чтобы результаты преобразования продемонстрировали искомый, теоретически предположенный результат «в чистом виде». И что особенно важно в нашем случае, такого рода смысловые установки присутствуют в естественнонаучном познании. Вопрос, однако, в том, исчерпываются ли такими установками эпистемологические цели эксперимента, если мы примем во внимание, что эта целевая составляющая самосознания ученых сегодня переживает трансформации, ориентирующие экспериментальное исследование на расширение сферы предметности за рамки, жестко заданные принятыми (вполне успешными) теориями.

Сегодня в продвинутых фундаментальных исследованиях, даже напрямую апеллирующих к задачам прикладных разработок, присутствуют и вполне «фундаменталистские» установки, акцентирующие те аспекты вновь получаемого знания, которые открывают возможности развертывания знания за границы его наличного концептуального содержания. В рамках такого рода исследований в качестве центральной типологической характеристики фундаментальности предстают ее методологические параметры, ориентированные на расширение знания безотносительно (а зачастую даже вопреки) конкретным запросам его приложения. Причем все большее значение эти оценки приобретают в контексте междисциплинарных исследовательских программ мегасайенс: от квантовых исследований до биосемиотики. В рамках этих программ актуальность приобретают и методологические оценки

знания, указывающие на реальность, которая не укладывается в изначально структурированную концептуальную схему. В этом плане важную когнитивную роль играют технические процедуры, обеспечивающие воспроизведение (репликацию) эксперимента. Дело в том, что даже при попытках достичь точного повторения экспериментальных процедур выполнить все условия репликации просто невозможно. Более того, исследовательский интерес вызывают как раз некоторые вариации условий и техники повторения эксперимента. Таким образом, в случае фундаментальных исследований (как самостоятельных, так и выступающих в роли фундамента прикладных разработок) в центре внимания оказываются как раз отклонения, возникающие в ходе воспроизведения полученных результатов. Причем интерес этот возрастает, когда воспроизводится результат эксперимента, четко предсказанного теорией.

Бесспорно, в претендующих на фундаментальность направлениях современной науки присутствуют (реализуются) разнонаправленные философско-методологические ориентации. В случае трактовки фундаментальности прежде всего как фундамента для решения прикладных задач ход исследований более или менее непосредственно определяется целью дополнить наличное знание новыми открытиями, расширяющими науку. Такое отношение мы можем обнаружить даже в рассуждениях о научной значимости познания, отнюдь не прямого прикладного назначения – скажем, о научном достоинстве космических исследовательских программ (рассуждения по поводу социально-экономических перспектив освоения Луны и пр.). Тем не менее представленная выше трактовка фундаментальности существенно отличается ее в философско-методологическом плане и от того понимания естественнонаучного познания, которое господствовало в рамках дилеттеской дихотомии, и от локализирующих исследование установок прикладной науки.

Дело в том, что ориентация когнитивных задач фундаментального исследования на расширение именно предметного поля предполагает переосмысление основополагающих стандартов научности. В частности, требование воспроизводимости результатов эксперимента выступает здесь не просто как формальный стандарт оценки корректности знания, но прежде всего как инструмент расширения сферы фундаментальных исследований. Вариации и отклонения, обнаруживающиеся в ходе выполнения процедур воспроизведения (репликации) полученных научных результатов, начинают оцениваться учеными не просто как неизбежные дефекты техники экспериментирования, но еще и как проявления предметной реальности, не принимавшейся во внимание и потому выходящей за рамки воспроизводимого круга наличного знания. И в этом качестве воспроизводимость знания (его реплицируемость) – обязательная характеристика любого претендующего на научность результата коллективного познания –

становится сегодня особо актуальной в рамках продвинутых экспериментальных направлений науки. Обстоятельно исследовавшие релевантную проблематику А. Лаймон и Р. Франклин отмечают, что репликация должна остаться нормативным требованием в науке [Laymon, Franklin, 2021, p. 119]. Однако смысл этого требования, на мой взгляд, заключается еще и в том, чтобы ученый мог выходить за пределы *воспроизводимого знания*, открывая новые сферы предметности. Осмысленная таким образом процедура воспроизведения знания позволяет не только уменьшить систематическую неопределенность познания, но, добавлю, тем самым наметить и пути его расширения.

Надо полагать, именно констатация «круговращения» исследования внутри классического эксперимента и стимулировала в свое время постпозитивистскую релятивизацию стандартов научности. Однако постпозитивистская философия науки фактически ограничилась этой констатацией, утверждая принципиальную невозможность рационально обоснованного выбора теоретических конструкций, каждая из которых дает вполне воспроизводимое описание данного фрагмента реальности. Возможность новой, перспективной трактовки научной нормы осталась вне поля зрения постпозитивистской философии науки – отсюда методологическая неэффективность этого направления (в этой роли оно реализовалось лишь как ситуационные реконструкции – *case studies*). Поэтому и стандарты научности в ее рамках оказались зависимыми лишь от фактически внешних для науки установок, что подчиняет науку как раз прагматике и задачам локализации исследования. Между тем инструментальное ориентированное на расширение поля исследований измерение методологической оценки воспроизводимости открывает новые, дополнительные возможности для эффективного эпистемологического выбора. Оно акцентирует направления саморазвития фундаментального исследования именно как самодовлеющего типа познания, руководствующегося лишь своим внутренним когнитивным потенциалом. И именно в этом своем, вполне осознаваемом (осмысленном) стремлении вырваться из замкнутого концептуального круга совокупность современных наук предстает как целостный, типологически особым образом структурированный культурно-исторический феномен.

При этом, подчеркну, речь идет об изменениях, затрагивающих именно науку в целом. Типологическая спецификация наук, основанная на дихотомии «фундаментальное – прикладное», распространяется в одинаковой степени и на естественнонаучное, и на социально-гуманитарное познание, фактически размывая их противопоставление. Попытки репликации результатов исследований в области психологии, социологии и других связанных с познанием человека дисциплин не только фиксируют трудности экспериментальной проверки теоретических допущений в этих областях познания, но и позволяют

различить расширяющий их предметное поле когнитивный потенциал релевантных процедур (см.: [Anderson, Bahnik, 2016]). И в той мере, в какой принципиальная смысловая установка фундаментального исследования на расширение знания привлекает внимание к неучтенным, нарушающим воспроизводимость концептуально заданных свойств исследуемого объекта, она открывает перспективы получения радикально нового знания и в области социально-гуманитарных исследований. Соответственно, и в этих областях науки реальное повторение эксперимента (репликация) может рассматриваться не только как нормативное условие подтверждения предположенной концептуальной конструкции, но и как инструмент расширения сферы знания о человеке. При этом нарастающее использование воспроизводимости в качестве инструмента, расширяющего сферу знания одновременно и в естественнонаучных, и в гуманитарных исследовательских практиках, оборачивается в рамках философско-методологического сознания науки проблематизацией научно-познавательной деятельности как таковой – причем в ее и эпистемологическом, и социокультурном измерениях.

Обсуждая релевантную тематику, В.А. Лекторский в одной из своих работ, посвященных вопросу о том, возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке, фактически показал, что «происходящие изменения в науках о природе и науках о человеке позволяют понять их отношения в новом свете и выявить их сущностное единство» [Лекторский, 2004, с. 49]. Приведенные им в этой работе доводы, а также представленная выше аргументация дают, на мой взгляд, серьезные основания утверждать, что происходящие в феномене науки изменения предполагают также и новые принципы типологического различения наук, более соответствующие их сегодняшним методологическим запросам. Во всяком случае, при попытке определить контуры реализации этой цели в области типологического различения наук следует использовать понятие семейного (родового) сходства (введенное Людвигом Витгенштейном (см. об этом [Пружинин, Щедрина, 2010, с. 100–101])). Все науки в чем-то различны, а в чем-то схожи одна с другой, но, главное, они принадлежат к роду «наука», и именно эта принадлежность, при всех вариациях, определяет культурно-историческую форму познания в каждой из них. И именно в контексте так понятой специфики различных наук следует, на мой взгляд, обсуждать вопрос о типологической структуре науки в целом, предполагающий методологически значимые выводы для конкретных научно-познавательных практик: что собственно специфицирует сегодня принадлежность того или иного типа познавательной деятельности к роду «наука», а стало быть, очерчивает границы его типологических вариаций? Это вопрос, по моему мнению, сегодня – важнейший для философско-методологического сознания науки, ибо он напрямую связан с эффективным (в значительной

мере сознательным) использованием ее когнитивного потенциала в современных (в значительной мере институционализированных) научных практиках. И собственно в констатации принципиальной методологической важности обсуждения этого вопроса состоит смысл данной статьи.

Моя цель в данном случае лишь в том, чтобы обратить внимание на типологическую специфику складывающейся в науке эпистемологической ситуации. Реальная практика современной науки свидетельствует о том, что важной эпистемологической составляющей научного, в том числе естественнонаучного, исследования становится понимание смысла (т.е. целевого контекста) познаваемой предметности, связанного с фундаментальной ориентацией науки на собственный, задаваемый самодовлеющими задачами познания рост, на расширение предметного поля научных исследований. Многие философы науки обращают внимание на присутствие в современной научно-познавательной деятельности социально-исторических установок, ориентирующих науку на прирост знания [Касавин, 2020; Порус, 2021; Шашлова, 2017]. Сказанное не означает, что в научное знание как таковое непосредственно входят целевые социальные предпочтения общества и ученого. Центральная, по сути, проблема современной философско-методологической рефлексии над наукой как раз в том и состоит, чтобы выявить, при каких условиях очевидным образом воздействующие на науку целевые запросы социума способны стимулировать собственно познание как саморазвивающийся фундамент приложений, а не разрушать его. Каким образом познавательные целевые установки, определяющие эпистемологическую ценность полученного научного знания, могут соотноситься с социально-экономическими оценками полезности науки? И на мой взгляд, в контексте поисков ответа на эти вопросы приобретает важный методологический смысл проблематика, так или иначе связанная с учетом типологических ориентаций науки.

Наука сегодня нуждается отнюдь не только в описании складывающегося в ней и вокруг нее положения дел. Я полагаю, проблема соотношения, взаимодействия, единства, если угодно, фундаментальных и прикладных установок в научно-познавательной деятельности требует от ученого прежде всего обращения к философской методологии, акцентирующей культурно-исторический пласт научного знания. Вне этого контекста попытки сохранить идею рациональности в качестве типологического основания познания приводят к полной релятивизации науки (см. об этом: [Соколова, 2016]). Возможно, это и вполне оправдано как констатация в свете указанных выше процессов социологизации науки, но методологически такой подход не очень эффективен, тем более на фоне становления междисциплинарных исследовательских программ.

Повторю, я не претендую на полноценное решение этой проблемы. Я лишь пытаюсь указать на те эпистемологические характеристики наиболее продвинутых областей современной науки, без философско-методологического осмысления которых решение проблемы целостности современной науки, как мне представляется, невозможно. В этом же направлении, полагаю, двигался и Ф. Brentano, который писал: «...естествознание отнюдь не требует... что мы повсеместно должны действовать единообразно (*gleichmäßig*) и по образу простейших случаев механики. Напротив, оно наставляет и тренирует нас менять наш метод, соглашаясь с особой природой предметов, и то повышать, то усмирять наши притязания, чтобы добиваться более полного успеха там, где – отказавшись от недостижимого – с успехом достигают научно возможного» [Brentano, 2018, с. 80].

Список литературы

Антоновский, Бараш, 2021 – Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Парадокс научного прогресса в эволюционном измерении // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 83–94.

Аргамачева, 2021 – Аргамачева А.А. Социологический скептицизм в отношении научного прогресса // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 70–75.

Богданов, 2011, web – Богданов К.А. Физики vs лирики: к истории одной «придурковатой» дискуссии // Новое литературное обозрение. 2011. № 5. <https://magazines.gorky.media/nlo/2011/5/fiziki-vs-liriki-k-istorii-odnoj-pridurkovatoj-diskussii.html>

Брентано, 2018 – Брентано Ф. О будущем философии // Брентано Ф. О будущем философии. Избранные труды / Пер. с нем. и коммент. Р.А. Громова, науч. ред. В.Ф. Молчанова. М.: Академический проект, 2018.

Белоусов, Куренной, Молчанов, Щедрина и др., 2020 – Белоусов М.А., Блауберг И.И., Васильев В.В., Визгин В.П., Длугач Т.Б., Докучаев Ф.А., Иващук О.Ф., Куренной В.А., Курилович И.С., Молчанов В.И., Паткуль А.Б., Савин А.Э., Щедрина Т.Г. Франц Brentano: критика кантовской философии (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 5–40.

Волошинов, Игнатова, 2015 – Волошинов А.В., Игнатова М.П. Проблема двух «культур» // Человек. 2015. № 4. С. 36–50.

Капица, 1989 – Капица П.Л. Письма о науке. 1930–1980. М.: Московский рабочий, 1989. 399 с.

Касавин, 2020 – Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 2. С. 6–19.

Касавин 2021 – Касавин И.Т. Миф науки как источник прогресса // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 76–82.

Лекторский, 2004 – Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44–49.

Лисеев, 2020 – Лисеев И.К. Новые методологические и онтологические акценты в развитии современных наук о жизни // Вопросы философии. 2020. № 9. С. 99–105.

Никифоров, 2021 – Никифоров А.Л. Что такое научный прогресс? // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 56–62.

Порус, 2021 – Порус В.Н. На пути к реформе системы эпистемологических целей и ценностей // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 34–42.

Пронских, 2020 – Пронских В.С. Поиски бозона Хиггса: проблемы эпистемологической автономии эксперимента // Философский журнал / The Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 3. С. 82–96.

Пружинин, 2008 – Пружинин Б.И. Надеюсь, что будет жить Фундаментальная наука в XXI веке // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 66–71.

Пружинин, 2009 – Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. 423 с.

Пружинин, Щедрина, 2010 – Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Наука и ее язык (философско-методологические рассуждения) // Философия познания. К юбилею Л.А. Микешиной / Под ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2010.

Розов, 1995 – Розов М.А. Классификация и теория как системы знания // На пути к теории классификации. Новосибирск: НГУ, 1995. С. 81–217.

Соколова, 2016 – Соколова Т.Д. A priori и философия науки: новый взгляд на старые теории (Рецензия на книгу: Stump D.J. Conceptual Change and the Philosophy of Science: Alternative Interpretations of the A Priori. Routledge: N.Y., Abingdon. 2015. 176 p.) // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 225–229.

Столярова, 2021 – Столярова О.Е. Можем ли мы надеяться на прогресс в понимании «прогресса»? // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 63–69.

Тищенко, 2020 – Тищенко П.Д. Экзистенциальный смысл проектов конструирования человека // Человек.RU. 2020. № 15. С. 229–243.

Шашлова, 2017 – Шашлова Е.И. О значении исторической эпистемологии для современной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 42–46.

References

Anderson, Bahník, 2016 – Anderson, Ch.J., Bahník, Š. et al. “Response to Comment on ‘Estimating the Reproducibility of Psychological Science’”, *Science*, 2016, vol. 351, p. 1037.

Antonovskiy, A. Yu., Barash, R.E. “Paradoks nauchnogo progressa v evolyutsionnom izmerenii” [The Paradox of Scientific Progress in the Evolutionary Dimension], *Voprosy filosofii*, 2021, vol. 11, pp. 83–94. (In Russian)

Argamakova, A.A. “Sotsiologicheskii skeptitsizm v otnoshenii nauchnogo progressa” [Sociological Skepticism Regarding Scientific Progress], *Voprosy filosofii*, 2021, vol. 11, pp. 70–75. (In Russian)

Bartly, 1968 – Bartly, W.W. “Theories of Demarcation Between Science and Metaphysics”, in: I. Lakatos & A. Musgrave (eds). *Problems in the Philosophy of Science*. North-Holland, Amsterdam, 1968, pp. 40–119.

Belousov, M.A., Blauberg, I.I., Vasil'yev, V.V., Vizgin, V.P., Dlugach, T.B., Dokuchayev, F.A., Ivashchuk, O.F., Kurennoy, V.A., Kurilovich, I.S., Molchanov, V.I., Patkul', A.B., Savin, A.E., Shchedrina, T.G. "Frants Brentano: kritika kantovskoy filosofii (materialy kruglogo stola)" [Franz Brentano: Criticism of Kant's Philosophy (Materials of the Round Table)], *Voprosy filosofii*, 2020, vol. 6, pp. 5–40. (In Russian)

Bogdanov, K.A. "Fiziki vs liriki: k istorii odnoy 'pridurkovatoy' diskussii" [Physicists vs. Lyrics: To the History of One "Stupid" Discussion], *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2011, no. 5 [<https://magazines.gorky.media/nlo/2011/5/fiziki-vs-liriki-k-istorii-odnoj-pridurkovatoy-diskussii.html>, accessed on 05.02.2022]. (In Russian)

Brentano, F. "O budushchem filosofii" [Über die Zukunft der Philosophie], trans. by R.A. Gromov, in: F. Brentano. *O budushchem filosofii. Izbrannyye trudy* [Über die Zukunft der Philosophie Ausgewählte Schriften], ed. V.F. Molchanov. Moscow: Akademicheskii proyekt Publ., 2018, pp. 59–90. (Trans. into Russian)

Kapitsa, P.L. *Pis'ma o nauke. 1930–1980* [Science Letters. 1930–1980]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1989, 399 pp. (In Russian)

Kasavin, I.T. "Mif nauki kak istochnik progressa" [The Myth of Science as a Source of Progress], *Voprosy filosofii*, 2021, vol. 11, pp. 76–82. (In Russian)

Kasavin, I.T. "Znaniye i real'nost' v istoricheskoy epistemologii" [Knowledge and Reality in the Historical Epistemology], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 2, pp. 6–19. (In Russian)

Laymon, Franklin, 2021 – Laymon, R., Franklin, A. "Replication. Part II", *Voprosy Filosofii*, 2021, vol. 9, pp. 118–131.

Lektorskiy, V.A. "Vozmozhna li integratsiya yestestvennykh nauk i nauk o cheloveke" [Is It Possible to Integrate Natural Sciences and Human Sciences], *Voprosy filosofii*, 2004, vol. 3, pp. 44–49. (In Russian)

Liseyev, I.K. "Novyye metodologicheskiye i ontologicheskiye aktsenty v razvitiy sovremennykh nauk o zhizni" [New Methodological and Ontological Accents in the Development of Modern Life Sciences], *Voprosy filosofii*, 2020, vol. 9, pp. 99–105. (In Russian)

Nikiforov, A.L. "Chto takoye nauchnyy progress?" [What Is Scientific Progress?], *Voprosy filosofii*, 2021, vol. 11, pp. 56–62. (In Russian)

Porus, V.N. "Na puti k reforme sistemy epistemologicheskikh tseyey i tsennostey" [On the Way to the Reform of the System of Epistemological Goals and Values], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 2, pp. 34–42. (In Russian)

Pronskikh, V.S. "Poiski bozona Khiggsa: problemy epistemologicheskoy avtonomii eksperimenta" [The Search for the Higgs Boson: Problems of the Epistemological Autonomy of the Experiment], *Filosofskiy zhurnal / The Philosophy Journal*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 82–96. (In Russian)

Pruzhinin, B.I. "Nadeyus', chto budet zhit' Fundamental'naya nauka v XXI veke" [I hope that Fundamental Science Will Live in the 21st Century], *Voprosy filosofii*, 2008, vol. 5, pp. 66–71. (In Russian)

Pruzhinin, B.I. *Ratio serviens? Kontury kul'turno-istoricheskoy epistemologii* [Ratio Services? Contours of Cultural-Historical Epistemology]. Moscow: ROSSPEN, 2009, 423 pp. (In Russian)

Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. "A Return to Tradition: The Epistemological Style in Russia's Post-Soviet Philosophy", in: Bykova, M.F., Forster, M.N., Steiner, L.

(eds). *The Palgrave Handbook of Russian Thought*. Palgrave Macmillan, Cham, 2021, pp. 423–444.

Pruzhinin, B.I., Shchedrina, T.G. “Nauka i yeye yazyk (filosofsko-metodologicheskiye rassuzhdeniya)” [Science and Its Language (Philosophical and Methodological Reasoning)], in: T.G. Shchedrina (ed.) *Filosofiya poznaniya. K yubileyu L.A. Mikesheynoy* [Philosophy of Cognition. For the Jubilee of L.A. Mikesheina]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 664 pp. (In Russian)

Rozov, M.A. “Klassifikatsiya i teoriya kak sistemy znaniya” [Classification and Theory as Systems of Knowledge], in: Rozov, M.A. *Na puti k teorii klassifikatsii* [On the Way to the Theory of Classification]. Novosibirsk: NGU, 1995, pp. 81–217. (In Russian)

Shashlova, E.I. “O znachenii istoricheskoy epistemologii dlya sovremennoy filosofii nauki” [On the Meaning of Historical Epistemology for Contemporary Philosophy of Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 42–46. (In Russian)

Snow, 1959 – Snow, C.P. “The Two Cultures”, in: *The Two Cultures and the Scientific Revolution*. New York: Cambridge University Press, 1959, pp. 1–22.

Sokolova, T.D. A priori i filosofiya nauki: novyy vzglyad na staryye teorii (Retenziya na knigu: Stump D.J. Conceptual Change and the Philosophy of Science: Alternative Interpretations of the A Priori. Routledge: N.Y., Abingdon. 2015. 176 p.) [A priori and the Philosophy of Science: A New Look at Old Theories (Book Review: Stump D.J. Conceptual Change and the Philosophy of Science: Alternative Interpretations of the A Priori. Routledge: NY, Abingdon. 2015. 176 p.)], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2016, vol. 49, no. 3, pp. 225–229. (In Russian)

Stolyarova, O.E. “Mozhem li my nadeyat’sya na progress v ponimanii ‘progressa’?” [Can We Hope for Progress in Understanding “Progress”?], *Voprosy filosofii*, 2021, vol. 11, pp. 63–69. (In Russian)

Tishchenko, P.D. “Ekzistentsial’nyy smysl proyektov konstruirovaniya che-loveka” [Existential Meaning of Human Construction Projects], *Chelovek.RU*, 2020, no. 15, pp. 229–243. (In Russian)

Voloshinov, A.V., Ignatova, M.P. “Problema dvukh ‘kul’tur’” [The Problem of Two “Cultures”], *Chelovek*, 2015, no. 4, pp. 36–50. (In Russian)